

ТОТ, КТО НИКОГДА НЕ
УМИРАЛ

Дарья Коновалова

Тот, кто никогда не умирал

<https://litres.ru/74040549>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждые 80 лет Элиан умирает. И каждые 80 лет он рождается заново с абсолютно идеальной памятью о предыдущих 40 жизнях. Он помнит запах ладана в Древнем Египте, вкус хлеба при войне, страх во время охоты на ведьм и боль от пули в Первой мировой. Он - идеальный свидетель истории.

Но есть проклятие: он не может изменить трагедию. Каждый раз он видит свою семью, друзей и любимую, но никто из них никогда не помнит его. В своей 41-й жизни, в 2026 году, Элиан обнаруживает, что кто-то ещё в Москве помнит все свои прошлые жизни. И этот «кто-то» начинает охоту на людей с «бессмертием», чтобы украсть их века памяти.

Содержание

Глава 1 «Смертельный счёт»	4
Глава 2 «Призрак в библиотеке»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дарья Коновалова

Тот, кто никогда не умирал

Глава 1 «Смертельный счёт»

Глава 1. Смертельный счет

2026 год, Москва, просыпался за стеной кондиционера. Где-то внизу, на Восьмой этаже, уже орали сирены, водители такси матерились на арабском и испанском, а первый уличный торговец хот-догами открыл свой зонтик со свистом пара. Элиан слышал всё это, но не слушал.

Он проснулся за секунду до будильника.

Всегда за секунду. Тело помнило ритуал раньше, чем мозг успевал включиться. Аборигенные ритуалы, 1700 год: лишняя секунда сна - пуля в затылок или удар прикладом по рёбрам. Там он выработал этот рефлекс. Только одна проблема: тело помнило все лагеря. И римские каторги, и тюрьмы, и японские лагеря.

Элиан сел на кровати. Шёлк простыни - единственная роскошь, которую он себе позволял. Не потому, что любил комфорт. Потому что шёлк не царапает кожу, а любое прикосновение грубой ткани возвращало его в прошлое, где его раздели догола и волокли по булыжной трапе к виселице. Связанные веревками запястья, запах собственной крови и

крики толпы. Он помнил цвет неба в тот день. Помнил имя вороны, которая сидела на крыше и смотрела на него. Помнил, как хрустнул позвонок на второй секунде падения.

Не сейчас, - сказал он себе. - Начни счёт.

Он сел на край кровати, спустив ноги на пол.

- 1027 год, Англия. - Голос хриплый, - Ты кузнец. Имя: Федор. Жена: Эдит. Двое детей. Умрёшь от заражения крови после того, как поранишь руку о наковальню. Следующая жизнь - 1086, Константинополь. Имя: Дмитрий. Запомни.

«Смертельный счёт». Он назвал его так много лет назад, когда работал в порту Гамбургера и каждый вечер пересчитывал ящики с рыбой. Рыба - одна, две, три. Люди - 14 732.

- 1122 год, Священная Римская империя. Ты римский король. Убьют разбойники на дороге. Помни: у разбойника на правой руке не хватает двух пальцев.

- 1190 год, Иерусалим. Ты рыцарь. Умрёшь в песчаной буре, когда поведут караван. Имя командира: Калимб. Он предатель, но ты не успеешь сказать.

Элиан закрыл глаза. Иногда, когда он перебирал эти жизни, ему казалось, что он стоит в длинном-длинном коридоре, где каждая дверь - одна смерть. За некоторыми дверями тихо. За некоторыми - крики. За дверью 1566 года - запах

горящего дерева и собственного жира.

Он пропустил 1566. Всегда пропускал. Счёт - это дисциплина. Нельзя останавливаться на самых страшных, иначе застрянешь в них навсегда.

- 1348 год, Флоренция. Ты врач. Твоя возлюбленная умирает от чумы на твоих руках. Ты проклинаешь бога. Ничего не меняется.

Он открыл глаза. В зеркале напротив кровати сидел мужчина под сорок - седые виски, лицо с тонкими морщинами вокруг глаз, которые видели слишком много. Карие глаза, без дна. В них не было ни наивности, ни ужаса, только счёт. И ещё кое-что: усталость, которую невозможно объяснить человеку, живущему одну жизнь.

- 1667 год. Ты пират. Имя: Чойс. Умрёшь в тюрьме через три года после захвата. Не спускай глаз в баре «Роза после Короны». Она тебя и сдаст.

- 1754 год, Париж. Ты картограф. Убьют за фальшивые карты. Ты и правда чертил фальшивые карты, чтобы сбить с пути испанский флот. Глупо. Даже смешно немножко.

- 1863 год, (не придумала). Ты солдат Союза. Умрёшь от

гранаты после ампутации ноги. Прощай, нога). В следующей жизни она отрастёт.

- 1916 год, Война на реке Нил. Ты капитан. Пуля в живот. Медленная смерть в воронке от снаряда. Рядом умирает парень по имени Томас, ему 19 лет. Он зовёт маму. Ты держишь его за руку. У него не было мамы.

- 1945 год, СССР. Солдат. Ты умер в поле от жестокой расправы немцев. Не подходи к той гнилой берёзе. Поздно...уже был.

Он замолчал. Война СССР всегда был последним. Не потому, что самый страшный - после Рима, где его скормили львам, трудно испугаться ещё чего-то. А потому, что близкий. Слишком близкий. 1945-й он помнил в деталях, которые не выветрились даже через восемь десятилетий новой жизни.

Счёт закончен. Сорок жизней. Сегодня он не прибавил ни одного трупа - хороший день.

Элиан встал. Простыня упала, открыв шрамы на груди - не все из этой жизни. Большинство из прошлых. Тело помнило каждое ранение, хотя новая плоть не должна была.

Он подошёл к большому дубовому столу у окна. На столе ничего лишнего. Ноутбук последнего поколения (он просто не доверял вещам, которые нельзя взломать куском проволоки), три стопки бумаги, ручка с серебряным пером и главное — тетрадь.

Тетрадь была старой. Настолько старой, что пахло уже не кожей, а сигаретами и прошлым. Он вёл её последние двести лет каждое воплощение начинал с того, что переписывал её заново, каллиграфическим почерком на том языке, который был мёртвым для всех, кроме него. Сейчас тетрадь была на русском, английском, испанском и забытом языке долины Инда.

Он раскрыл её на закладке. Закладка- кусочек пергамента 1122 года, спасённый из своего же замка перед смертью.

Он перечитал последнюю запись, сделанную вчера:

«2026 год, Москва. 8 июня. В метро видел женщину, которая смотрела так, как смотрела она. Нет. Лера была другой. Лера я узнаю всегда - по родинке над губой и как она поправляет волосы, когда волнуется. Эта женщина смотрела как статуя: пустота. Я ошибся. Ошибался уже трижды за эту жизнь. память начинает слабеть. Если я начну забывать - то кто я?»»

Он взял ручку и написал новую строку:

«9 июня. Счёт: 14 732. Сегодня — спокойный день. Днём буду в библиотеке, проверю кое-что. Есть одно имя, которое не даёт покоя. Скандик. Я помню это имя из 1566. Но почему оно всплыло только сейчас?»

Элиан закрыл тетрадь. В этой тетради была вся его жизнь. Все жизни. Каждая ошибка, каждое имя любимой женщины в очередном воплощении (их было ровно 14, если не считать Леру, которая возвращалась снова и снова, как бумеранг), каждая смерть, которую он мог предотвратить, но не предотвратил.

В дверь позвонили.

Элиан замер. Никто не знает его адреса. Даже Ирма, его единственный контакт в этом мире, знает только почтовый ящик на сквере.

Он подошёл к двери тихо, не спеша, не шиша, навыв из 1667 года, когда каждый шаг по деревянному полу мог означать нож в спину. Подошел к глазку.

Никого?.

Тишина. Но он слышал дыхание. Кто-то стоял прямо под глазком, его было сложно разглядеть.

- Кто там? - спросил он по-русски.

Ответа не было. Только дыхание.

Элиан медленно открыл дверь, держа правую руку за спиной - там, в кармане халата, лежал стилет, выкованный по технологии 1552 года.

На пороге стоял конверт.

Обычный жёлтый конверт, без марок, без обратного адреса. Лежал на коврикe, как будто его просто сунули в щель. Элиан наклонился, не сводя глаз с лестничной клетки. Никого.

Он поднял конверт. Пахло старыми книгами. Почтальон не может пахнуть старыми книгами. Только человек, который работает в архивном заводе. Или тот, кто живёт так долго, что старые книги - единственные друзья.

Он вернулся в квартиру, закрыл дверь. Разорвал конверт. Внутри - лист бумаги, пожелтевший, но не старый. Искус-

ственно состаренный. Люди, которые живут одну жизнь, любят такие дешёвые эффекты. Настоящая старина не пахнет ванилью. Настоящая старина пахнет пылью и смертью.

На бумаге было написано от руки, таким почерком, которого он не видел уже четыреста лет:

«Вспомни 1566. Они вернулись. Третий возвращается. Лера в опасности. Завтра, полдень, читальный зал Московской публичной библиотеки, стол 13. Приходи один. И принеси тетрадь».

Подписи не было. Только символ - три переплетённые спирали, которые Элиан узнал бы где угодно.

Этот символ он впервые увидел в 1122 году, за день до смерти, когда писец переписывал запрещённые символы. Тогда он не понял, что это значит.

Понял только через двести лет, когда встретил её.

Когда встретил Леру.

Элиан посмотрел на свои руки. Они дрожали. В первый раз за эту жизнь. Он не дрожал перед немцами в 1945-м. Не дрожал перед львами в 80 году н.э. Дрожал сейчас, глядя на

три спирали на пожелтевшей бумаге.

- 1566. - прошептал он. - Господи.. Только не снова.

Он не заметил, что сказал «Господи». Он не верил в бога уже 9 000 лет.

Но в тот момент ему очень захотелось, чтобы кто-то наверху всё-таки существовал.

Конец первой главы.

Глава 2 «Призрак в библиотеке»

Глава 2. Призрак в библиотеке

В Московскую публичную библиотеку Элиан пришёл на два часа раньше.

Не потому, что боялся опоздать. Он не опаздывал никогда за сорок жизней выработал привычку быть везде за пятнадцать минут, даже если срок этот – собственная казнь. Просто ему нужно было проверить кое-что. Кое-что, что не давало ему покоя с той самой минуты, как он прочитал три спирали на пожелтевшей бумаге.

Он сидел в читальном зале № 13 – огромном помещении, где каждый шорох казался страшным. Перед ним лежали микрофильмы с документами XVI века. Он начал просматривать их.

«Венеция, 1566 год. Протоколы допросов».

Он нашёл то, что искал. Своё имя. В той жизни его звали Даниэле, врач. Обвинение: сношения с дьяволом, колдовство. Приговор: сожжение на площади

Элиан закрыл глаза. И сразу же – флэшбек, как всегда. Запах горящего дерева. Крик толпы, в котором он различал отдельные голоса – смех, молитвы, проклятия. И лицо. Лицо человека, который смотрел на него с каменного возвышения. Скандик. Красный плащ, белые руки, сложенные на груди, и глаза – абсолютно пустые.

В той жизни Скандик не просто приговорил его к смерти. Он задавал вопросы, на которые Даниэле не мог ответить: «Как ты узнал, что у герцогини рак? Ты не мог этого знать. Никто не мог. Только дьявол». А Даниэле молчал. Потому что не мог сказать правду: «Я помню эту болезнь. Я уже лечил её в 1215 году».

Элиан открыл глаза. Руки дрожали. Он сжал их в кулаки и уставился в окно. За стеклом – Москва, лето 2026 года. Небоскрёбы, стекло и бетон. Никаких костров. Никаких площадей. Но страх остался. Страх всегда остаётся, даже через пятьсот лет.

- Молодой человек? – библиотекарь, худенькая девушка в очках, наклонилась к нему. – Вас спрашивают. В главном зале. Сказали, что это срочно.

Элиан посмотрел на часы. 11:47.

- Кто?

- Не представилась. Женщина. Сказала, что вы узнаете её по... - девушка запнулась, - по родинке над губой.

Кровь отхлынула от лица Элиана. Он встал так резко, что стул упал. Библиотекарь охнула, но он уже не видел её. Он шёл по длинному коридору: Лера. Лера здесь. Лера жива.

Он не бежал. Он никогда не бегал – бег привлекает внимание. Но ноги несли его быстрее, чем хотелось бы..

Она стояла у стены с афишами, делая вид, что изучает расписание лекций. Светлые волосы, собранные в низкий хвост. Синее пальто, которое Элиан уже видел — в другой жизни, в другом городе, за тысячу лет до того, как пальто вообще придумали. Оно было синим, как тогда, где они стояли в 540 году до н.э. и смотрели на закат.

Она обернулась.

Родинка над левой стороной верхней губы. Такая же, как тогда. Это невозможно. Но душа, видимо, требовала этого знака.

- Лера? -спросил он по-русски.

Она вздрогнула. Обернулась.

- кто вы?

- помнишь. Помнишь падение Трои? Помнишь, как мы целовались у водопада в 985 году? Помнишь, как ты кричала, когда меня сжигали в 1566? Сказал Элиан

Она сделала шаг назад, врезавшись спиной в стену. Глаза расширились.

— Я думала ты умер..

Элиан выдохнул. Выдох, который он сдерживал последние два часа.

- Даниэле... - прошептала она. – Боже мой.

Она закрыла лицо руками. Плечи затряслись. Элиан не двинулся с места – он знал, что сейчас нельзя прикасаться к ней. Слишком много веков накопилось между ними. Слишком много смертей.

- Я думала, я одна, - сказала она сквозь слёзы. – Всегда думала, что я одна. Девяносто лет. Девяносто лет я помню всё.

Каждую жизнь. Каждую смерть. Я сходила с ума. В 1920-м меня заперли в психиатрической лечебнице на семь лет, потому что я рассказывала о своих прошлых жизнях. Я перестала рассказывать. Научилась молчать. Но ты... ты знаешь. Ты понимаешь. – Она подняла на него заплаканные глаза. – Ты тоже помнишь?

- Каждую секунду. - сказал Элиан. – С 10 000 года до нашей эры. Я не помню только своё первое рождение. Но всё остальное да. Каждый день. Каждую боль. Каждую любовь.

- Скольких ты любил? – спросила она.

- Четырнадцать. Четырнадцать женщин за сорок жизней. Но только одна возвращалась. – Он посмотрел ей прямо в глаза. Это была ты.

Она всхлипнула, вытерла слёзы ладонью. Синее пальто, заметил Элиан, намокло на плече.

- Нам нужно уйти отсюда, - сказала она. – Ты получил письмо? С тремя спиральями?

- Да. Разве не от тебя?

- Нет. – Голос её стал тише, почти шёпотом. – От него..

- От Скандика?

Она кивнула, оглядываясь по сторонам.

- Он вернулся. Я видела его в прошлом месяце. В Берлине. Он теперь по-другому выглядит – профессор, седой, в очках. Но я узнала его. Тот же взгляд. Пустой. Мёртвый.

Элиан взял её за руку. Ладонь была ледяной.

- Что ему нужно?

- То же, что и всегда, - Лера посмотрела на него с ужасом. – Он охотится на нас. На тех, кто помнит. Он убил четверых. Четверых вечных. Забрал их память. Я не знаю, как, но он умеет это делать. Высасывает воспоминания, как жидкость через. И становится сильнее.

- Зачем?

- Он хочет забыть. – сказала Лера. – Человек, который помнит всё, хочет забыть. Но он не может стереть свою память. Только переписать реальность. Сделать так, чтобы его первое рождение никогда не случилось. А для этого нужны мы. Все, кто помнит. Наши воспоминания. Из них он по-

строит новый мир. Мир без себя.

Элиан молчал.

- Седьмой.. -сказал он наконец. – Легенда говорит о седьмом. Тот, кто не просто помнит, а помнит всё. Даже до Большого взрыва.

Лена кивнула.

- Скандик ищет седьмого. И он думает, что это ты.

- Я? – Элиан усмехнулся, но усмешка вышла жалкой. – Я не помню даже своего первого рождения. Я просто старый солдат, который слишком долго живёт.

- Ты больше, чем солдат. – сказала Лера. – Ты – ключ. Почему ты думаешь, он оставил тебе это письмо? Почему не убил сразу, как остальных? Ты ему нужен живым. Твоя память. Он хочет её забрать.

- Тогда почему он не пришёл сам?

Лера опустила глаза.

- Потому что я его опередила. Я следила за ним три месяца.

ца. Узнала про письмо и перехватила его. Я подделала его и переназначила встречу на сегодня. Но настоящий Скандик будет здесь. Скоро. – Она посмотрела на входные двери. – Мы должны уйти. Сейчас.

Элиан уже открыл рот, чтобы ответить, когда услышал это.

Звук.

Тихий. Почти незаметный. Шаги по полу.

Он обернулся.

На пороге главного зала, в квадрате солнечного света, стоял мужчина. Лет шестидесяти, седые волосы зачёсаны назад, тонкий нос, стального цвета глаза за очками в тонкой оправе. Тёмно-синий костюм, белая рубашка, никакого галстука.

Скандик.

Он не спешил. Шёл медленно. В правой руке он держал чёрный портфель. В левой ничего. Но Элиан знал: левая рука – смертельная. В 1566 году Скандик именно левой рукой подписывал смертные приговоры.

- Даниэле. – сказал Скандик, подходя на расстояние десяти шагов. Голос низкий, с небольшим немецким акцентом. – Или мне называть тебя Элиан? Сколько имён у тебя было? Сотня? Тысяча? Какая разница.

- Скандик, - Элиан сделал шаг вперёд, заслоняя Леру собой. – Оставь её. Я тот, кто тебе нужен.

- Ода, я знаю, - улыбнулся Торнквист. – Ты нужен мне. Но не сейчас. Сейчас я пришёл за ней.

Он посмотрел на Лену. Та вжалась в стену, дрожа.

- Ты украла моё письмо, - сказал Скандик почти ласково. – Нехорошо так поступать. Нехорошо красть чужие письма, Лера. Или ты хочешь, чтобы я называл тебя Сигне? Помнишь Сигне? 985 год, водопад, викинги. Ты была красивой. Очень красивой. Жаль, что тебя убили так рано.

Он сделал шаг вперёд. Элиан выбросил руку – стилет оказался в ладони раньше, чем Скандик успел моргнуть.

- Ещё шаг, - сказал Элиан, - и ты узнаешь, что такое сорок жизней боевого опыта.

Скандик остановился. Посмотрел на стилет, потом на

Элиана.

- Ты не убьёшь меня, Даниэле. – В его голосе не было страха. – Ты никогда никого не убивал в этой жизни. В прошлых да, сотни раз. Но в этой нет. Ты боишься крови. Боишься, что если убьёшь, то станешь таким, как я. Поэтому ты не выстрелишь. Не ударишь.

Он был прав. Элиан ненавидел его за эту правоту.

И вдруг Лера сделала то, чего никто не ожидал.

Она шагнула вперёд, выхватила стилет из руки Элиана и бросилась на Скандика.

- Беги! – закричала она Элиану.

Она не успела ударить. Скандик перехватил её руку на полпути, вывернул запястье. Стилет упал на пол со звоном. Он схватил её за волосы, притянул к себе и прошептал что-то на ухо.

Лера закричала. Не от боли – от ужаса.

- Не трогай её! – Элиан рванул вперёд, но охрана библиотеки уже бежала к ним. Три человека в синей форме.

Скандик отпустил Леру. Та упала на колени, хватаясь за голову.

- До скорого, Даниэле, - сказал Скандик и развернулся. – Ты найдёшь меня. Или я найду тебя. Но помни: чем дольше ты ждёшь, тем больше вечных умирают. Вчера я забрал память у монаха. Он помнил восемьдесят жизней. Знаешь, как он кричал, когда я вытаскивал из него последнюю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.